

30.8.01.

ВСЕ-ТАКИ приобретенные в Литинституте знакомства иногда неплохо помогали. Писатель Михаил Умнов в отличие от Пелевина институт окончил и дипломную практику проходил в толстом литературном журнале «Знамя». Там он подружился с литературным критиком Викторией Шохиной. В то время она работала в «Знамени» редактором отдела прозы. В иерархии «толстых» литературно-художественных журналов «Знамя» — на втором месте. Выше него в литературной иерархии только «Новый мир». Опубликоваться в «Знамени» означало стать настоящим писателем. Так считается даже сегодня, что уж говорить о зиме 1991 г., когда по рекомендации Умнова Виктор Пелевин пришел к Викторией Шохиной и принес рукопись повести «Омон Ра».

«Он проходил по ведомству фантастики тогда. А ему хотелось эту границу развлекательной, как у нас считается в России, и настоящей прозы перейти. Он мог иметь успех, например, как братья Стругацкие, но он хотел большего, как я его понимаю, и был прав», — говорит Виктория Шохина.

Повесть члена редколлегии «Знамени» понравилась и в марте 1992 г. была принята к публикации. А затем «Знамя» напечатало и повесть «Жизнь насекомых».

Пелевин относился к авторам, которые судьбой своих рукописей интересуются очень активно, иногда даже навязчиво. Он звонил «почти непрерывно», вспоминает Шохина, иногда, по его словам, не из Москвы. Однажды позвонил и говорит: «Я звоню из сталактитовых пещер, подвешенный к чему-то, кругом летучие мыши, быстро скажи, приняли рукопись или нет?»

В начале 1993 г. повесть «Омон Ра» номинировалась на Букеровскую премию. Но получил Пелевин Малую Букеровскую премию за сборник рассказов «Синий фонарь». Кроме небольшой денежной суммы, он был награжден благотворительной поездкой в Англию.

Своим друзьям Пелевин заявил, что будет жить у знаменитого английского писателя Джона Фаулза. В реальности же по просьбе тогдашнего председателя Букеровского комитета он «дней десять» жил в Лондоне у искусствоведа-эмигранта Игоря Голомштока.

«Он произвел на меня впечатление немножко диковатого человека, — вспоминает Игорь Голомшток. — У него была идея купить складное шведское кресло. Он долго ходил по магазинам и его искал. Но не купил, потому что дорого для него это тогда было. По музеям он так не ходил».

После публикаций в «Знамени» критики стали писать о Пелевине много, часто и почему-то неодобрительно. Задевало его все это очень сильно — особенно если исходило от тех людей, с которыми он не то чтобы дружил, но вполне дружелюбно пересекался в общих компаниях. 31 июля 1993 г. «НГ» опубликовала статью «Заратустры и мессершмидты» — одну из самых язвительных. Хотя не исключено, что заливчатый тезис, с которого статья начинается, стал основой очередного мифа о Пелевине и прибавил загадочности его фигуре.

Автор, Александр Вяльцев, писал: «Сразу оговорюсь: никакого Пелевина не существует. Есть лишь «щепочка святых сообщений на экране дисплея». Оттого и пишешь он так нечеловечески бесцветно, оттого и сюжеты у него сплошь сконструированы, словно куплены в глянцевого коробке в отделе «моделист-конструктор» в «Детском мире», — из штампов речи и полузабытых абстрактных идей. <...> Смесь нью-готик и А.Кабакова, но смешнее. В общем, вроде «Незнайки на Луне» для взрослых (но не очень). Все это, как правило, безобразно написано...»

По главной мысли и немного брызжащей интонации статьи «Заратустры и мессершмидты» можно

Окончание. Начало см. «НГ», 29.08.01.

было представить ее автора скорее всего каким-нибудь пожилым преподавателем гуманитарного вуза, обиженным на критику советской истории. Но Пелевин в отличие от обычного читателя хорошо знал Александра Вяльцева. В начале 80-х тот был одним из «центровых» хиппи и очень гордился тем, что в каком-то американском справочнике был назван «самым красивым хиппи Москвы». Был ли такой справочник на самом деле, выяснить не удалось, но специалисты подтвердили, что об этой легенде им хорошо известно. Знал Пелевин и то, что отчим Александра Вяльцева занимал достаточно высокую должность в КГБ. И в разговоре с Шохиной отзывался об этом вполне с юмором: «Почему бы ему не хипповать? Он хиппует, а сверху два вертолета летят и его охраняют, ребята в камуфляже по трассе лежат, сзади броневик едет, а он идет и хиппует...» Однако обиды сдерживать не смог и ответил своему критику в той же «НГ» статьей «Джон Фаулз и трагедия русского либерализма»: «Если понимать слово «совок» не как социальную характеристику или ориентацию души, то совок существовал всегда. Типичнейший «совок» — это Васисуалий Лоханкин, особенно если заменить хранимую им подшивку «Нивы» на «Архипелаг ГУЛАГ». Классические совки — Гаев и Раневская из «Вишневого сада», которые не выдерживают, как сейчас говорят, столкновения с рынком. <...> Совок — вовсе не советский или постсоветский феномен. Это попросту человек, ко-

Независимая газ. — 2001. — 30.авг. — с. 8. Фото получено по каналу интернета Виктор Пелевин.

НАСТОЯЩИЙ ПЕЛЕВИН

Отрывки из биографии культового писателя

который не принимает борьбу за деньги или социальный статус как цель жизни. Он с брезгливым недоверием взирал на суету лежащего за окном мира, не хочет становиться его частью и, как это ни смешно звучит в применении к Васисуалию Лоханкину, живет в духе, хотя и необязательно в истине. Такие странные мутанты существовали во все времена, но были исключением. В России это надолго стало правилом. Советский мир был настолько подчеркнута абсурден и продуманно нелеп, что принять его за окончательную реальность было невозможно даже для пациента психиатрической клиники. И получилось, что у жителей России, кстати, необязательно даже интеллигентов, автоматически — без всякого их желания и участия — возникал лишний, нефункциональный психический этаж, то дополнительное пространство осознания себя и мира, которое в естественно развивающемся обществе доступно лишь немногим. Для жизни по законам игры в биссер нужна Касталия. Россия недавнего прошлого как раз и была сюрреалистическим монастырем, обитатели которого стояли не перед проблемой социального выживания, а перед лицом вечных духовных вопросов, заданных в уродливо-пародийной форме. Совок влачил свои дни очень далеко от нормальной жизни, но зато недалеко от Бога, присутствия которого он не замечал. Живя на самой близкой к Эдему помойке, совки заливали портвейном «Кавказ» свои принудительно раскрытые духовные очи, пока их не стали гнать из вишневого сада, велев в поте лица добывать свой хлеб.

Теперь этот нефункциональный аппендикс советской души оказался невольной роскошью. Миранда пошла защищать Белый дом и через некоторое время оказалась в руках у снявшего комсомольский значок Калибана, который перекрыл ей все знакомые маршруты непроходимой стеной коммерческих ларьков.

Много, и часто с издевкой, писал о Пелевине нынешний заместитель заведующего отделом литературной критики «Литературной газеты» Павел Басинский. По сло-

вам писателя Дмитрия Стахова, особенно обидело Пелевина замечание критика о том, что «экзистенциальный градус» его прозы равен нулю.

«Он позвонил мне и орал: «Ну где у этого козла термометр, как он измеряет?» Я ему ответил: ну что ты обижаешься? Ну, может, он завидует, да мало ли... «Да я никому же ничего плохого не делал, — кричал Пелевин, — я ни у кого ничего не уводил. Просто я не человек тусовки. Я просто приношу тексты, и их печатают. Чего они на меня лезут?»

Дмитрий Стахов вполне согласен, что резкое неприятие Пелевина профессиональными критиками из столичных газет и журналов во многом определялось именно тем, что набиравший популярность писатель не вел светской литературной жизни. Не входил в тусовку.

Через несколько лет Виктор Пелевин отомстил критику Басинскому художественно. Настолько жестоко, что та самая тусовка обсуждала эту месть месяца два. В романе «Generation П» Владилен Татарский пишет сценарий рекламного ролика для «Гуччи»:

«В кадре — дверь деревенского сортира. Жужжат мухи. Дверь медленно открывается, и мы видим сидящего над дырой худенького мужичка с похмельным лицом, украшенным усиками полковой. На экране титр: «Литературный обозреватель Павел Бесинский». Мужичок поднимает взгляд в камеру и, как бы продолжая давно начатую беседу, говорит:

— Спор о том, является ли Россия частью Европы, очень стар. В принципе настоящий профессионал без труда может сказать, что думал по этому поводу Пушкин в любой период своей жизни, с точностью до нескольких месяцев. Например, в 1833 году в письме князю Вяземскому он писал...

В этот момент раздается громкий треск, доски под мужичком подламываются, и он обрушивается в яму. Слышен громкий всплеск. Камера наезжает на яму, одновременно поднимаясь (модель движения камеры — облет «Титаника»), и показывает сверху поверхность темной жижи. Из нее

выныривает голова обозревателя, которая поднимает глаза и продолжает прерванную погружением фразу:

— Возможно, истоки надо искать в разделе церквей. Крылов не зря говорил Чаадаеву: «Посмотришь иногда по сторонам, и кажется, что живешь не в Европе, а просто в каком-то...»

Что-то сильно дергает обозревателя вниз, и он с бульканьем уходит на дно. Наступает тишина, нарушаемая только гудением мух. Голос за кадром:

«GUCCI FOR MEN БУДЬ ЕВРОПЕЙЦЕМ. ПАХНИ ЛУЧШЕ».

В декабре 1993 г. в интервью филологу Салли Лэард Пелевин жаловался, что «сегодня нельзя заработать деньги писательством, независимо от того, насколько ты знаменит, и даже если твои книги публикуются многотысячным тиражом. Я продал 100 000 экземпляров книги рассказов «Синий фонарь». Если вы издадите такой тираж на Западе — это огромный успех, но здесь это не принесло денег. Единственная надежда, если твою работу переведут, то заплатят немного валюты».

А меньше чем за год до этого интервью у Пелевина, видимо, были серьезные проблемы с деньгами. Вспоминает заместитель главного редактора «НГ» литературный критик Игорь Зотов, который работал тогда журналистом в информационном агентстве «НЕГА» при редакции газеты:

«Неожиданно мне позвонил Пелевин и сказал, что у него важное дело. Разговор состоялся на третьем этаже редакции, на лестнице. Мы стояли и курили, и он совершенно неожиданно задал вопрос: «Можно ли поработать в вашем агентстве в качестве редактора или журналиста?» Я спросил: «А что так, зачем?» Он ответил: «Надо же на что-то жить». Тогда вроде бы деньги были не очень большие, но регулярно платились. В среднем рубль восемьсот или тысячу я получал. Я ответил утвердительно. Но Витя не позвонил больше, видимо, что-то у него по-другому решилось».

Многим литераторам почему-то неприятно, что когда они Пелеви-

на о чем-то просят, он всегда сразу спрашивает о размере вознаграждения. Главный редактор газеты «День литературы» критик Владимир Бондаренко с возмущением рассказывал коллегам, что, когда он попросил писателя дать что-то для газеты, Пелевин ответил, что печатается только за гонорар в сто долларов страничка. С не меньшим неудовольствием бывший главный редактор «НГ» Виталий Третьяков говорил, что Пелевин был единственным, кто спросил Бориса Березовского, сколько тот ему заплатит за участие в ЗАО «Телетраст», которому Березовский в октябре прошлого года хотел передать принадлежавшие ему 49% акций ОРТ. Когда Пелевину ответили, что это почетная общественная работа, он от участия в мероприятии отказался.

Но вот Дмитрий Стахов, напротив, симпатизирует такой позиции. В 1995 г. он работал в журнале «Огонек» и придумал ввести западную практику — заказывать известным писателям рассказы на интересующую журнал тему. «И выяснилась такая вещь, — вспоминает Дмитрий Стахов, — несмотря на то, что в России писателей немало, по-прикладному профессионально к своему ремеслу могут подойти только единицы. Подавляющее большинство, к кому я обращался, отвечали примерно в том смысле, что я, мол, пишу для вечности, а вы тут такое предлагаете...» Откликнулись сразу только три писателя: Андрей Битов, Сергей Белошников и Виктор Пелевин. За рассказ «Огонек» предла-

гал 300 долларов. Пелевина это устроило, и он написал на обговоренную тему — война в Чечне — рассказ «Папахи на башнях». За три дня. Кстати, многие критики считают этот рассказ одним из лучших у Пелевина.

Свою статью «Гадание по рунам» из «Науки и религии» Пелевин использовал на все сто: сдал ее в качестве курсовой работы в Литинституте по курсу «Зарубежная литература Средних веков и Возрождения» и продал какому-то кооперативу в качестве инструкции к набору рун. Часто говорил, что гадает своим друзьям и у некоторых от этого «крыша поехала», а другие «возродились».

Заместитель главного редактора «НГ» писатель Олег Давыдов при знакомстве с Пелевиным выяснил, что тот гадает и по «И Цзин», китайской «Книге перемен»:

«Он рассказал мне, что в основе некоторых глав «Жизни насекомых» заложена гексаграмма «Колодец». Ну и разговор пошел профессионально, о толкованиях этой гексаграммы. Когда-то я гадал одному другу, и ему выпал «Колодец», я ему предсказал немного, ну и мы обсуждали мое предсказание, его предсказания... Причем он гадает старинной китайской монетой, у меня другая методика — я перекалываю листья тысячелистника. Смысл этого гадания в чем: надо вывить шесть линий, прерывистых или сплошных. Монету подбрасываешь и смотришь, какое начало: женское или мужское, условно — орел или решка, сильная — слабая, свет — тень. У него еще была компьютерная программа по гаданию «И Цзин», и он также гадал, используя ее. Он мне сказал, что очень разочаровался в этих компьютерных программах, потому что компьютер гадает механически».

С шестнадцатого этажа одного из корпусов дома № 3 по Чертановской улице иногда вдруг засветит яркий красный лучик, шмыгнет пару раз по «Мерсу» или «Тойоте» какого-нибудь «нового русского». «Он начинает метаться, а я сижу и смеюсь», — рассказал как-то раз культовый писатель Виктор Пелевин Викторией Шохиной...